

Рец.: Musial Bogdan. Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn: Ferdinand Schöning, 2009. 590 S.*

Всех предателей, находившихся на службе у немцев, можно разделить на две категории. Первая, самая незначительная, но исключительно вредная категория – это предатели, которые пошли на службу к немцам вполне добровольно из-за ненависти к советскому строю. Вторая категория, представляющая особо огромное большинство – это люди, служившие у немцев из-за трусости, потери веры в победу Красной армии, из-за желания спастись от посылки в Германию.

Из инструкции УШПД об оперативном использовании бывших коллаборационистов, 13 апреля 1943 г.

Несмотря на то, что в условиях глобального распространения конфликтов слабой интенсивности опыт советской партизанской войны 1941-1944 гг. становится всё более актуальным и востребованным, достойных обобщающих работ по данной теме не так уж и много. До 1991 года архивы СССР были закрыты, а соответствующие исследования¹ грешили обилием произвольных экстраполяций и слишком смелых гипотез.

Временная демократизация также не привела к освещению этой страницы

Второй мировой войны российскими учёными. Часть историков² публикуют свои книги без ссылок на документы, в монографиях других специалистов³ научность ограничивается формой. В последнем случае это вызвано, во-первых, крайней неряшливостью при использовании совершенно недостаточного по объёму комплекса источников, во-вторых, добровольным следованием авторов идеологическим установкам совре-

* Статья написана благодаря финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf).

¹ Soviet Partisans in World War II., John Armstrong (ed.). Madison, 1964; Hesse Erich. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen-Zürich-Frankfurt, 1969.

² Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. Москва, 2002; Боярский В. И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск-Москва, 2003.

³ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Москва, 2001; Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Москва, 2008.

меннейшего официозного российского мракобесия.

К прискорбию, белорусская историография проблемы отсутствует.

Как частенько бывает в подобной ситуации, занимательную обобщающую работу написал американский исследователь – Кеннет Слепьян⁴. В его монографии, обладающей романтическим заглавием «Сталинские герильеры», представлена панорамная картина советской партизанской борьбы. Однако, в тот период, когда уважаемым историком проводился архивный поиск (начало лихих 1990-х), многие фонды были ещё закрыты.

Поэтому появление книги известного польско-германского историка Богдана Мусиала можно только приветствовать⁵. Работа называется «Советские партизаны» и носит скромный и изящный подзаголовок «Мифы и реальность». В монографии использованы материалы на пяти языках из двадцати архивохранилищ Белоруссии, России, Польши, Литвы, Украины, США, Израиля и Германии, а также интервью с участниками и свидетелями событий.

Задачей работы являлось создание многомерной и комплексной картины советской зафронтальной борьбы на примере сравнительно небольшой Белоруссии. Партизаны, воевавшие на оккупированных просторах России, Украины, Прибалтики, Карелии и Молдавии упоминаются мимоходом, значит название книги некорректно.

⁴ *Slepyan Kenneth. Stalin's Guerrillas. Soviet Partisans in World War II. University Press of Kansas, 2006.*

⁵ *Musial Bogdan. Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. 590 S.*

Монография, помимо введения и заключения, включает в себя девять разделов. Первые два (I, II) построены по хронологическому признаку (1941-й год, начало 1942 года). Третий раздел озаглавлен уже по тематическому принципу (ЦШПД). Четвёртый раздел посвящён партизанской борьбе в 1943 году. Пятый снова возвращает читателя к проблемному повествованию («Рельсовая война»). Шестой раздел описывает партизанскую борьбу в целом, её задачи, методы и основные направления. Седьмой раздел рассказывает о партизанах в 1944 году, то есть снова применён хронологический принцип. Социальной истории белорусских партизан посвящён восьмой раздел. Не совсем понятно наличие в нём главы о сожжении партизанами отдельных строений и целых деревень, т.к. это, скорее, относится к разделу о партизанской борьбе (VI). Девятый раздел повествует о коренном населении региона (а, точнее, различных этнических группах Белоруссии) в партизанских формированиях. В последней главе последнего раздела («Поляки и советские партизаны») наличествуют 5 неуместных главок (IX, 3. d – 3. h, с.с. 416-437). В них описываются не взаимоотношение *поляков* (национального меньшинства) и советских «народных мстителей», а формирования *Армии Крайовой* и их борьба с красными партизанами. Куда логичнее было бы поместить весьма любопытный сюжет о межпартизанской войне в шестой раздел, или разделить его между пятым и седьмым разделами.

Несмотря на скомканность повествования, в целом поставленная во введении цель достигнута. Из-за массива за-

действованных источников книга заслуживает перевода на иностранные языки, прежде всего английский и русский, и публикации в Нью-Йорке в научном, а в Москве в крупном коммерческом издательстве. Вероятно, что монография обратит на себя внимание не только специалистов, но и широких кругов досужих любителей общения с Клио.

Поэтому в рецензии имеет смысл обратить внимание как на конкретные недоработки книги, так и на спорные тезисы и дискуссионные обобщения. Условно разделим критику на две составляющие – во-первых, описание объективных недочётов, во-вторых, тех фрагментов, которые не являются ошибкой, но, с субъективной точки зрения автора этих строк, могли бы быть написаны по-другому. Из подобной трактовки будет ясно и содержание работы.

Сразу же бросается в глаза невысокий психологизм повествования: в работе сотни имён, но нет людей. Даже контурами не прописаны характеры тех, от кого в значительной мере зависел успех партизанской борьбы – вожаков крупных соединений⁶, начальников ЦШПД и БШПД. Хотя сам Мусиаль в своё время получил докторскую степень за диссертацию, построенную как раз на анализе и сопоставлении десятков биографий⁷, прорисовке индивидуальных

⁶ На первый взгляд единственным исключением может показаться наличие в книге раздела о малоизвестном партизанском командире Владимире Ничипуровиче. Но даже в этом случае читатель узнаёт только о деятельности полковника, а не о его личности, т.е. в повествовании наличествует не человек, а функция.

⁷ *Musial Bogdan*. Deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung im Generalgouvernement. Eine Fallstudie zum Distrikt Lublin 1939–1944. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

особенностей актёров исторической сцены, точнее – немецких организаторов геноцида.

В рецензируемой монографии наблюдается явный переизбыток повторов. Вот только три примера. Едва ли не через страницу упоминаются партизанские приписки (жарг. – туфта) в оперативных отчётах, приводятся сведения партизан, снабжённые однотипным комментарием: «данные преувеличены». В подобных ситуациях можно было бы и не публиковать эту насквозь лживую информацию, а о потерях немецкой стороны судить по менее сфальсифицированной в данном случае немецкой же документации. Партизанский разбой, расстрелы мирного населения, насилие над колхозниками и колхозницами, огнестрельные внутренние конфликты, пьяные дебоши, драки и оргии проходят ненавязчивым рефреном сквозь всё повествование. Плюс к тому указанным проблемам посвящены отдельные главы. Столь же часто тематизируется и истребление нацистами мирных крестьян, проходящих в статистике Вермахта и СС под названием «бандпособники». Но это же широко известная практика, описанная многими германскими⁸ и

⁸ Из последних работ можно отметить монографии Клауса Йохена Арнольда и Дитера Поля, посвящённые функционированию военной оккупационной администрации. Если первый автор склоняется к мысли о том, что солдаты Вермахта не были сильно замешаны в терроре против мирного населения, то второй исследователь полагает: участие рядовых Вермахта в репрессиях против гражданских лиц было всё же довольно значительным:

Arnold Klaus Jochen. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegshrung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». Berlin, 2005; *Pohl Dieter*. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.

восточноевропейскими исследователями, а также нашедшая своё место в художественной литературе.

При этом при работе с источниками не всегда проявляется достаточная критичность.

Например, упомянутые уничтоженные «бандиты и бандпособники» в книге обычно механически трансформируются в убитых гражданских лиц, без учёта банального очковтирательства, которым была глубоко поражена нацистская система администрирования.

Весьма сомнительным выглядит и сюжет о сознательной вербовке нацистскими спецслужбами евреев для проведения терактов и шпионажа. Правда, при публикации большинства партизанских сообщений об этом «феномене» в книге оговаривается, что неясно, насколько эти сведения достоверны. Но один случай (с. 243–244) всё же вызывает авторское доверие, причём на основании показаний самого бывшего агента, данных советским органам. Однако от подследственного на дознании как раз и следует ожидать всяческих оправданий. Поэтому выдумка о том, что немцы склонили его к сотрудничеству, используя сведения о еврейском происхождении, была бы с его стороны вполне адекватным шагом. Да и какой оперативник будет привлекать для спецзаданий человека, уверенного в том, что его, а при случае и его родственников в ближайшее время уничтожит вербующая сторона?

То есть стройность повествования в ряде случаев не соблюдена, причём это касается как работы с цифрами, так и социального анализа.

Например, делается вывод о том, что

официальные советские цифры, основанные на партизанских донесениях, преувеличивают количество убитых «народными мстителями» немцев в 67–78 раз (с. 292). Во-первых, использованные в книге данные партизанских победных сводок включают в себя не только немцев, но вообще «оккупантов», то есть многочисленных немецких союзников и коллаборационистов. Во-вторых, в этих оперативных отчётах речь идёт не о безвозвратных потерях противника, а об убитых и раненых. Таким образом, потрясающее бахвальство советских партизан из-за методологических ошибок при подсчёте в книге ещё и преувеличено.

Критикуется тезис о том, что относительно большое число еврейских беженцев, переживших войну в белорусских чащобах и болотах, было вызвано довольно лояльным (в сравнении с соседними народами) отношением белорусов к евреям. Об этом вспоминают многие пережившие Холокост. По мнению Мусяля, решающее значение имел ландшафт, а не поведение крестьян, у которых еврейские группы выживания под угрозой насилия отбирали еду и одежду (с. 388). На этом можно возразить, что сочувствие или враждебность – многогранные чувства, которые выражаются далеко не только в добровольных поставках провианта или отсутствии таковых. Помощь гражданское население может оказывать актами или, наоборот, непотворением, по-разному относясь как к самим фактам реквизиций, так и к тем, кто собирает «продналог». Борьбу с любыми вооружёнными обитателями леса население, если оно того хочет, обычно ведёт не прямыми боестолкно-

вениями, а сокрытием от партизан или беженцев ценной информации, сообщениями в местные органы власти, сопровождением полицейских частей при облавах и т.д. и т.п. И даже нейтралитет, или хотя бы пресловутая пассивность⁹ мирных жителей могут сделать бытие людей, поставленных вне закона, выносимым. Понятно, что антисемитизм в тех или иных пропорциях и проявлениях наличествовал в те годы едва ли не в любой стране Европы. И, возможно, что следующее авторское положение заслуживает обсуждения: «Белоруссия среди других европейских стран ни в коем случае не являлась „блистательным примером“ солидарности с евреями» (с. 393). Но что за оккупированную нацистами территорию тогда можно назвать «образцово-показательной» в этом смысле, из исследования неясно.

В отборе материала для публикации порой видны определённые перекосы. В частности, первая глава четвёртого раздела названа «Военная разведка для Красной армии», а речь здесь идёт о недостатках сообщений ЦШПД для РККА. То есть, в этом параграфе нет сведений о структуре партизанской разведки, войсковой разведке соединений «народных мстителей», принципах вербовки агентуры, количестве информации, переданной в Центр. Плюс к тому, раздел VI не содержит сведений о разведке, которую партизаны вели не для

⁹ Ср. с выдержкой из донесения айнзагруппы «Б», оперировавшей в Белоруссии в начале августа 1941 г.: «Население, несомненно, питает к евреям чувство ненависти и гнева и одобряет немецкие мероприятия... но взять на себя инициативу неспособно» (*Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг.* Санкт-Петербург, 2008, с. 60).

Красной армии, а в интересах собственных отрядов и соединений.

В книге наличествуют и другие проблемы.

Например, не рассмотрена партизанская агитация, хотя в ЦШПД наличествовал отдел пропаганды.

Но куда важнее то, что упущен целый пласт – зафронтовая деятельность органов госбезопасности. Даже вскользь не упоминаются спецгруппы НКВД (с апреля 1943 г. – НКГБ) БССР¹⁰. Да и формированиям «легендарного» 4-го управления НКВД-НКГБ СССР посвящено всего две страницы (сс. 349-351), на которых описываются исключительно пьянки и склоки. О целях и методах указанных подразделений ничего не рассказывается, а группы НКВД именуются диверсионными. Столь грубая ошибка вызвана изъянами в историографической базе исследования¹¹. И в доку-

¹⁰ К концу 1942 года как на базе формирований ЦШПД, так и самостоятельно в Белоруссии действовало 30 спецгрупп НКВД БССР. Данные по первой половине 1943 г. в настоящее время недоступны. С июня 1943 г. по июнь 1944 г. республиканский аппарат органов госбезопасности направил в тыл Вермахта или выделил из состава уже действующих подразделений ещё 60 оперативно-чекистских групп, в том числе «Мстители», «Кровные», «Охотники», «Истребитель» (*Соловьёв А. К.* Они действовали под разными псевдонимами. Минск, 1994. *Passim*).

Часть документов о спецгруппах НКГБ БССР находится в НАРБе в открытом доступе, в частности, в фонде 4386 (Минский подпольный горком КП(б)Б).

¹¹ Операции 4-го управления НКВД СССР описаны в работе, один из соавторов которой являлся ветераном соответствующего спецподразделения. В книге, носящей красноречивое название, неоднократно употребляется термин «террористический акт», лишь в редких случаях заменяемый эвфемизмом: «На основании приговоров, вынесенных партизанами, ОМСБОНовцы осуществили 87 актов возмездия» (*Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. ÷ 1991, Москва, с. 278).

ментах партизан, подотчётных ЦШПД, и во внутренней документации лубянского ведомства внятно разделялись «задачи по „Д“» (диверсии), и «задачи по „Т“» (терроризм). Да и вывод о приоритетах «четвёрки» лежит на поверхности, стоит только вспомнить имя её начальника – Павла Судоплатова, признанного мастера заказных убийств.

Значительное место в книге занимает повседневный террор «народных мстителей», а глава VII-5 названа «Партизаны после прихода Красной армии». Но в монографии не обозначен такой почти неизвестный сюжет, как массовые расправы бывших партизан над бывшими коллаборационистами и членами их семей. В Белоруссии коллективные самосуды принимали порой форму настоящих побоищ. Тема достойна рассмотрения, причём не с точки зрения криминалистики. Во-первых, в данном случае в 1943–1944 гг. наблюдался конфликт двух частей советской системы друг с другом: партизан с органами НКВД и НКГБ. Во-вторых, нечто отдалённо похожее происходило в 1944–1945 гг. и в Западной Европе, в частности, во Франции и Италии. Эти явления благодаря публицистике и кинематографу широко известны во всём мире. И сравнением схожих фактов можно было бы выпукло показать разницу стилистики и последствий боевых действий на восточноевропейском и западноевропейском ТВД.

Вообще, конечно, в книге присутствует недостаток компаративистики. К чему это может привести, показывает раздел VIII – «К социальной истории партизанского движения в Белоруссии». Большая часть параграфа посвящена той кипучей партизанской жизнедеятельности, о которой советская историография охотно молчала: дерзкие выходы,

«удалые» проделки, разгульные вечеринки. При этом в разделе содержится глава «Суровость партизанской жизни». Таким образом, неискушённый читатель может сделать вывод о том, что давление тяжёлых обстоятельств вынуждало «народных мстителей» к неистовой разнузданности, а пребывание под открытым небом кого угодно превратит в бескомпромиссных гедонистов. Хуже того, одна из глав, где описывается очередная феерическая вакханалия, заканчивается ремаркой, делающей бессмысленной весь раздел: «Это была война» (с. 358). Армия Крайова в 1943–1944 гг. в Белоруссии воевала в тех же самых условиях, что и красные. А вели себя бойцы и командиры АК куда сдержаннее, что объясняется целым комплексом причин. Судя по сноскам, автор работал с большим количеством литературы об АК, а также с массой внутренней документации её формирований, то есть ошеломляющих различий с советскими партизанами не заметить не мог, но почему-то не рассказал о них читателю.

А по объёму работа внушительна: только повествование, без ссылок и приложений, занимает 440 страниц весьма убористого шрифта. К сожалению, текст довольно сложен для восприятия. С одной стороны, он явно перегружен датами, деталями, мелочами, числами: нередко на одной странице нагромождены десятки цифр, лишь иногда сведённых в таблицы. В издании нет графиков, диаграмм, схем. С другой стороны, в монографии не так много концептуальных конструкций, облегчающих понимание многосложного исторического процесса, то есть маловато обобщений и объяснений как таковых. В частности, маленькое заключение являет собой в основном не новые вы-

воды, а краткое содержание (дайджест) книги, более того, частично повторяет введение.

Не все высказанные в главе «Эпизод» оценки кажутся полностью обоснованными. Конкретнее, утверждение о плохой разведке партизан, проводившейся ими для Красной армии (с. 440) выглядит слишком простым в свете того факта, что в монографии сколько-нибудь подробно рассматриваются только партизаны ЦШПД-БШПД. Но кроме ЦШПД разведывательностью в тылу Вермахта в Белоруссии занимались отряды, группы и агентура 4-го управления НКВД-НКГБ СССР, 4-го управления НКВД-НКГБ БССР, а также ГРУ - РУ ГШ КА. Указанные ведомства специализировались на агентурной работе. И качество (а иногда и количество¹²) развединформации, поставляемой

¹² О количестве информации, пересылаемой в Центр с оккупированной территории различными силовыми структурами, некоторое представление дают следующие данные.

В Украине за 1941–1943 гг. только лишь НКВД-НКГБ УССР было оставлено при отступлении РККА или заброшено в тыл Вермахта 16737 агентов (и это не считая агентуры, приобретённой спецгруппами в 1943–1944 гг.). За 1941–1944 гг. обмен радиogramмами с агентурой, группами и отрядами этого ведомства составил 5523 радиogramмы (Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной деятельности 4-го управления НКГБ УССР в 1941–1945 гг., 26 июля 1945 г. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. №1/2(2/3). 1995, с. 28).

А разведывательными отделами групп, отрядов и соединений УШПД в годы войны было приобретено всего 3160 агентов, к тому же из них 60% составляли агенты внутри самих отрядов (т.е. доносчики), среди населения – только 1182. За 1942–1944 гг. разведотдел УШПД с партизанскими отрядами обменялся 3969 радиogramмами (Отчёт о работе разведывательного отдела УШПД, 1942–1944 гг. // ЦДАГОУ. Ф. 62, оп. 1, спр. 275, арк. 118, 125).

На определённые выводы наводит и такие данные из рецензируемой работы (с. 167): на 7 марта 1943 г. в партизанских отрядах и группах

в Центр от агентурных сетей этих организаций, существенно превышало показатели ЦШПД.

Как военно-историческое исследование книга выдерживает средний уровень. Боевым действиям и диверсиям уделено достаточно места, но рельефным их описание назвать нельзя. В книге всего один раз встречается указание на просчёт (с. 305), и совсем нет упоминания грамотных и оригинальных тактических решений при проведении даже крупных боевых операций¹³, нет примеров красивых агентурных комбинаций той или другой стороны, ТТХ применявшегося оружия. То есть, скорее, работа относится к разряду советологии.

Да и в изучении соответствующего сегмента советского общества и государства есть достижения, но прорывов публикация не сделала. В частности, хронически переоценивается идейность забитых сталинских подданных, к 1941 году в целом уже деидеологизированных.

Например, при описании событий второй половины 1941 года настроения населения БССР характеризуются как антисоветские. При этом повествование попадает в стандартную «ловушку секретного источника», вызванную обильным цитированием политических донесений сотрудников НКВД: на с. 42 – четыре

Белоруссии находилось 86 радиопередатчиков. Из них партизанам ЦШПД принадлежало лишь 37 РПД (или 43%), остальные использовались формированиями ГРУ и НКВД. Правда, в дальнейшем это соотношение изменилось в пользу подчинённых ЦШПД.

¹³ Интересное исследование оперативной стороны вопроса представляет собой совместный труд американского и крымского специалистов: *Munoz A. J., Romanko O. V. Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941–1944.* New York: Europa Books, 2003.

документа подряд! Но эти сообщения составлялись их авторами с умыслом: показать начальству собственную значимость (раскрыли крамолу!), пожаловаться на тяжесть условий труда (кругом одни враги!), а также выпросить как можно больше средств в собственное распоряжение. В этой главе хотя бы для полемичности изложения можно было бы упомянуть и о существовании противоположных по содержанию оценок участников событий того времени, например советских партийных функционеров.

Похожие неправомерные акценты можно увидеть и в описании основных противников партизан - полицейав и других «изменников». По утверждению Мусиалы, «Мотивов этой поддержки [оккупантов] не требуется долго искать. Они, в первую очередь, заключались в том, чтобы расщелкаться с ненавистным советским режимом...» (с. 80, схожий тезис на с.с. 243, 372). Как ни странно (а, может быть, вполне закономерно), советская историография давала более верное обобщение в этом случае. Родные коллаборационисты метко именовались шкурниками. Именно бывший «партсовактив», кандидаты в члены партии и коммунисты, комсомольцы, госслужащие, аппаратчики, силовики разных ведомств и учреждений были костяком, т.е. структурообразующей социальной прослойкой в общей массе людей, воевавших на стороне немцев или тянувших лямку на хозяйственном фронте. Можно было бы привести тому аутентичные доказательства 1941–1944 гг., но ограничимся поздним, зато более ярким свидетельством. Ленинградский диссидент Михаил Хейфец вынужденно провел несколько лет под одной крышей с ветеранами Вто-

рой мировой войны. И о бандеровцах, ярых националистах, в своих мемуарах он отзывался с уважением. А вот полицаи представлены в его воспоминаниях какими-то големами, безвольными андроидами, чем-то вроде членов фракции «Единая Россия» в Государственной думе РФ: «Экс-каратели и экс-старосты иногда были вовсе не плохими от природы людьми, и добрыми иногда – но они все, почти без исключения, казались мне морально сломленными, причем не зоной или войной, а еще раньше, почти изначально. Они казались нормальными советскими людьми, то есть слугами власти, любой власти – что гитлеровской, что советской, что польской, что, если появится, своей украинской. Часто это были просто человекообразные автоматы, роботы, запрограммированные на исполнение любого приказа – недаром среди самых кровавых гитлеровских убийц можно было обнаружить людей, которые после войны – до ареста – числились советскими активистами и орденосцами. Не буду притворяться, я иногда жалел их – хотя отлично понимал, сколько людей от них пострадало, сколько они убили (и среди них – моих земляков) – убили людей, мизинца которых не стоили. Честное слово, иногда казалось, что вины у них не больше, чем у овчарок, которые лаiali на заключенных концлагерей, – не больше они понимали, чем эти овчарки, и что, если посадить овчарку на 25 лет в тюрьму, какой в этом смысл?»¹⁴.

Александр Гозун

¹⁴ Хейфец М. Избранное. В 3 Т. Т. 3: Украинские силуэты; Военнопленный секретарь. Харьков, 2000, с. 136–137.